

УДК 332. 122

РЕГИОН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

О. В. Толстогузов

Институт экономики Карельского научного центра РАН

В статье рассмотрены особенности исследования региона в современных условиях. Показано, что в условиях глобализации целесообразно описывать регион в приближении экономического пространства, обладающего географическим, экономическим и институциональным измерениями.

Ключевые слова: регион, экономическое пространство, поляризация, дифференциация регионов, модель «центр-периферия», транзакционная экономика.

O. V. Tolstoguzov. REGION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: SPATIAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

The paper deals with approaches to the study of the region in the present-day situation. In the context of globalization the region is best described through close-up of the economic space with its geographical, economic and institutional dimensions.

Key words: region, economic space, polarization, differentiation of regions, "center-periphery" model, transaction economy.

В экономико-географических исследованиях акцентируется внимание на основных двух эффектах процессов концентрации: **локализации** и **урбанизации**. К ним можно добавить российский акцент эффект **индустриализации**¹. Эффект **урбанизации** имеет место в том случае, если затраты производства конкретной фирмы снижаются по мере роста совокупного объема продукции. Он проявляется в результате роста масштаба экономики территории. Эффект **концентрации** проявляется, когда по мере роста объема производства общие затраты снижаются. В его основе лежат факторы: эффект масштаба производства, формирование единого рынка труда, диффузия **инноваций** и

перелив знаний, быстрый обмен информацией, обеспечивающий режим реального времени [Krugman, 1995; О' Салливан, 2002; Доклад..., 2009].

Для экономического роста российских регионов важным оказался эффект **агломераций**, который связан с преимуществами, возникающими в результате географической близости к рынкам. Данный эффект проявляется в двух формах: масштабы городов (городская агломерация) и эффекты трансмиссии экономического роста от одного региона к другому (пространственная корреляция роста), в частности, это сказывается на экономическом росте регионов, расположенных близко к Москве или Санкт-Петербургу [Экономическая политика..., 2007].

¹ В нашей стране процессы **индустриализации** и **урбанизации** оказались искусственно совмещены, а понятия разделены.

В недавнем прошлом нашей страны, по мнению П. Минакира [Минакир, 2006], именно отраслевое управление и планирование (Госплан) играло главнейшую роль. Поэтому большое влияние на пространственное развитие страны оказала именно *индустриализация*. Крупные проекты привели к деформированию экономической и социальной структуры северных территорий. Происходил отрицательный социальный отбор, что привело к дефициту трудовых ресурсов [Нефедова, 2009]. «Россия представляет собой архипелаг немногих важных центров в океане ...сельской периферии» [Трейвиш, 2003]. Один из видов деформации экономического пространства – **поляризация** вокруг ведущей отрасли («полюса роста» [Perroux, 1950]). Попав в поляризованное пространство, экономический агент должен в той или иной степени испытывать принуждение, исходящее из доминирующей единицы (центра развития). В поляризованном пространстве экономические агенты ведут себя уже не как взаимозависимые партнеры, а как части целостной системы, скоординированной в направлении увеличения экономической ренты. В этом случае наблюдается явление самоорганизации.

Для формирования взаимодействий и в целом экономического пространства огромное значение имеют протяженность и расстояние между центром и периферией. В конечном счете, положение в экономическом пространстве выражается в неравномерности развития «центр-периферия». Благодаря работам [Грицай и др., 1991; Krugman, 1991, 1994, 1995] общепринятой стала **модель «центр-периферия»**, в рамках которой важнейшее значение имеет явление *концентрации экономической деятельности и расстояние до центра*. **Модель «центр-периферия»** была сформулирована в рамках «полюсов роста» Г. Мюрдаля [Myrdal, 1957], концепции неравенства регионального развития Дж. Фридмана [Franc, 1967; Esteban, Ray, 1994], концепции мировых систем И. Валлерстейна [Wallerstein, 1974, 1984] и хартлендов С. Козна [Cohen, 1964]. В соответствии с данной моделью неравномерность развития вызывает диспаритет центра и периферии [Friedmann, Alonso, 1964; Friedmann, 1966]. Традиционно **центр** представляют как географическое место (точку) с высоким уровнем развития, которая определяет положение таксона, с меньшим уровнем развития – **периферию**.

Центр контролирует материальные, финансовые и информационные потоки, применяет новые технологии и процессы с домини-

рованием нематериальных факторов, владеет более совершенными формами труда и формирует цикл: от «идеи – до практики». Он является поставщиком интеллектуальных ресурсов, в нем происходит генерация инноваций.

Центр и периферия связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. В этой связи важным шагом в развитии теории размещения производительных сил стало исследование Т. Хегерстранда процесса создания и распространения инноваций или (диффузии инноваций по работе [Челноков и др., 2002]).

Поляризованное развитие может давать необходимый эффект в развитии промышленных территорий, стимулируя развитие полюсов роста [Татаркин и др., 2001]. Благодаря возможностям своего рынка ядро создает мотивацию для привлечения предприятий и рабочей силы. Мобильность населения повышает конкуренцию за рабочие места в районах с высокой конкуренцией. Данное обстоятельство способствует сближению (**конвергенции**) уровней жизни на территории [Доклад..., 2009].

Наряду с **конвергенцией** появляется и **поляризация**. Поляризованный регион образует с полюсом больше экономических связей, чем с соседними регионами [Будевиль, 1961]. Причем согласно работе [Esteban, Ray, 1994], поляризация отражает неравенство относительно локальных средних, а конвергенция – неравенство относительно глобального среднего.

Различные концепции роста позволяют выделить факторы, способствующие развитию либо сдерживающие рост в одних регионах по сравнению с другими. Часто гипотеза конвергенции применяется для изучения различий в ВВП (и ВРП) на душу населения, а также иных показателей, например, коэффициент Джинни [Дробышевский и др., 2005; Либман, 2006]. Концепция **β -конвергенции** определяет конвергенцию как процесс «наверстывания», при котором бедные регионы имеют более высокие темпы экономического роста [Дробышевский и др., 2005]. **σ -конвергенция** определяется как уменьшение во времени дисперсии распределения ВВП на душу населения или другого показателя дохода на выборке стран или регионов. Гипотезы **β -** и **σ -конвергенции** являются взаимосвязанными, но не эквивалентными [Дробышевский и др., 2005].

Существует критический взгляд (А. Франка [Franc, 1967]) на простые схемы. Так, согласно

теории поляризованного развития, периферия получает импульс от центра благодаря мобильности факторов производства и диффузии инноваций. Такой подход служит хорошим теоретическим основанием колонизации периферии, направленной на выкачивание природных ресурсов. Неравномерность освоения территории и социально-экономическая поляризация пространства привели к контрастам по осям север-юг и запад-восток, сформировав обшир-

ную зону проблемных территорий, образующую внешнюю периферию страны и занимающую около 70 % ее территории [Нефедова, 2009].

Согласимся с выводом Т. Нефедовой [Нефедова, 2009] о том, что управлять разнородным пространством централизованно в рамках традиционных схем **невозможно**. Необходимо понимать пространство и изучать динамику его развития.

Таблица 1. Параметры нормального распределения экономических показателей, характеризующих региональное развитие, 2007 г.

Показатели развития региона – субъекта РФ	Среднее	Максимум	Минимум	Медиана
Объем ВРП (на душу населения), тыс. руб.	189	2 319	22	113
Объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного человека тыс. руб.	41,6	1 434	0,8	15,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по субъекту РФ, руб.	12 755	37 366	5 664	10 749
Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума, %	18,0	44,0	6,7	17,3
Смертность младенческая, на 1 тыс. человек, родившихся живыми	10,0	20,3	4,2	9,3
Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 тыс. чел.	716,2	1 099	155,8	707,8
Общая площадь жилых помещений, в среднем на одного жителя, кв. м	21,5	29,4	4,9	21,4
Доля продукции, произведенной малыми предприятиями, в общем объеме ВРП, %	9,1	22,0	0,8	8,9
Доля налоговых и неналоговых доходов в объеме доходов бюджета субъекта РФ %	70,1	122,5	7,8	75,9
Уровень безработицы в среднем за год, %	7,9	53,0	0,8	6,4

Основным признаком асимметричного развития выступает динамика разброса региональных социально-экономических показателей (табл. 1). Из приведенных данных отклонение среднего значения от медианы значительно для ВРП и объема инвестиций. В работе [Дробышевский и др., 2005] при анализе временного ряда на фоне роста цен на нефть выявлено увеличение дисперсии ВРП на душу населения, что свидетельствует о возрастании дифференциации регионов.

По параметру «**инвестиции...**» – пять субъектов превысили среднее значение. Значения показателя «Объем инвестиций в основной капитал» различаются в 1 727 раза: от 0,83 тыс. руб. (Чеченская республика) до 1 434 тыс. руб. (Ненецкий АО, лидеры – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Архангельская область).

По значению «Объем ВРП на душу населения» 18 субъектов РФ превысили **средний уровень**. Разница по показателю составила 105 раз: от 22 тыс. руб. (Ингушетия) до 2 319 тыс. руб. (Ненецкий АО). Среди лидеров: города федерального значения Москва и Санкт-Петербург; республики: Коми, Татарстан, Саха (Якутия); области: Вологодская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская, Томская,

Тюменская; края: Красноярский и Камчатский; автономные округа: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский. По прогнозам неравенство регионов по величине ВРП на душу населения будет не сокращаться, а даже возрастать.

По показателю «**Среднемесячная номинальная начисленная зарплата**» разброс составляет от 5 664 руб. (Республика Дагестан) до 37 366 руб. (Ямало-Ненецкий АО). К лидерам также относятся Москва, Сахалинская, Магаданская, Чукотская, Тюменская области, Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Республика Саха (Якутия).

Значения показателя «**Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума**» отличаются в 7 раз: от 44 % (Калмыкия) до 6,7 % (Ненецкий АО). Лидеры: Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО и др.

Значения показателя «**Уровень безработицы**» отличаются в 66 раз: от 0,8 % (Москва) до 53 % (Чеченская республика). Выделяется группа с высоким значением показателя, в которую вошли регионы Кавказского округа, за исключением Ставропольского края, республики: Бурятия, Алтай, Тыва, Забайкальский и Камчатский края, Еврейская автономная область.

Значения показателя **«смертность младенческая...»** отличаются в 4,8 раза: от 4,2 человек (Санкт-Петербург) до 20,3 человек (Еврейская АО). «Лидеры» по смертности: Еврейская АО, Чукотский край, Республика Тыва, Чеченская республика, республики Дагестан и Ингушетия, Ненецкий АО. Наиболее благополучная ситуация: Санкт-Петербург и Москва, Ханты-Мансийский АО, регионы Поволжского и Уральского ФО (за исключением Пермского края) и др.

Значения показателя **«смертность населения...»** отличаются в 7,1 раза: от 155,8 человек (Ингушетия) до 1 099 человек (Чукотский АО). «Лидеры» по смертности: Чукотский АО, Смоленская, Тверская, Тульская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Магаданская, Кемеровская области, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Тыва. Лучшая ситуация: Москва, Кабардино-Балкарская республика, республики Дагестан, Ингушетия.

Значения показателя **«доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов...»** отличается в 16 раз: от 7,8 % (Чеченская республика) до 122,5 % (Москва) при среднем значении 70 %. Лидеры: г. Москва, Липецкая, Ярославская, Мурманская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Республика Коми, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Отстающие: Чеченская республика, республики Дагестан, Ингушетия, Тыва, Алтай, Чукотский АО.

Значения показателя **«доля продукции, произведенной малыми предприятиями»** отличается в 27,5 раза: от 0,8 % (Чукотский АО) до 22 % (Москва). Лучшие регионы: Москва, Санкт-Петербург, Калининградская, Ленинградская, Ростовская, Магаданская области, Алтайский и Приморский края. Худшие: Чукотский и Ненецкий АО, регионы Кавказского ФО.

Значения показателя **«отношение средней цены одного квадратного метра общей площади...»** отличается в 4,5 раза: т. е. от менее месяца до полугода надо работать, чтобы заработать на один метр жилья. Наименьшая цена в регионах: Республика Саха (Якутия), Самарская, Тюменская области, Еврейская АО, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, субъектах Кавказского ФО.

Значения показателя **«доля инвестиций от величины ВРП»** отличаются в 22 раза: от 2,8 % (Чеченская республика) до 61,8 % (Ненецкий АО), при средней величине – 14,8 % (оптимальная величина – 20–22 %). Лидеры (более 20 %): Ленинградская, Архангельская, Тюменская, Сахалинская области, Республика Адыгея, Крас-

нодарский край, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия).

Значения показателя **«отношение ВРП к фонду зарплаты»** отличается в 24 раза: от 2,8 (Республика Ингушетия) до 67,4 (Ненецкий АО) при среднем значении 12,3. Лидеры: Ненецкий АО, Москва, Санкт-Петербург, Республики: Татарстан, Башкортостан, Коми, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Белгородская, Липецкая, Ленинградская, Вологодская, Свердловская, Самарская, Оренбургская, Томская, Сахалинская области, Пермский край.

Среди субъектов РФ **среднедушевые денежные доходы различались в 6,8 раза** (минимальные – в Республике Калмыкия – 6 597,7 руб., максимальные – в Москве – 44 987,6 руб.). По прогнозам данная ситуация будет усугубляться.

Анализ распределения объектов выявил отсутствие достоверной зависимости. Это означает, что **национальная экономическая политика в части бюджета и иных макроэкономических инструментов не проявляется значимо на уровне и качестве жизни** (измеряемой в статистических показателях).

Представляет интерес проверка данного вывода на временных рядах. Влияние межбюджетных трансфертов и капитальных вложений, финансируемых за счет бюджетных средств, на «выравнивание» регионов. Проверим гипотезу **безусловной** или **β -конвергенции**, где данные меры экономической политики принимаются в качестве условий сходимости. В работе [Россия регионов..., 2005] доказано, что в период экономического роста различия в социально-экономическом развитии регионов РФ не сокращаются. Более того, проявляется отставание от темпов экономического роста и ухудшение состояния региональных рынков труда.

Несмотря на то, что рост доходов происходит не только за счет повышения благополучия наиболее богатых регионов, но и за счет роста подушевого дохода в бедных регионах, распределение регионов по подушевому доходу остается унимодальным, характеризующееся в целом увеличением дисперсии ВРП на душу населения по регионам. В рамках основной группы регионов наблюдалось сближение значений показателя [Дробошевский и др., 2005]. В работе [Лавровский, Шильцин., 2009] показано, что усиление дифференциации за период экономического роста (2000–2005 гг.) происходило благодаря нескольким регионам.

В работе [Россия регионов..., 2005] показано, что в результате перераспределения федеральных бюджетных ресурсов наблюдается не-

которое уменьшение региональных различий в душевых доходах. В работе [Кадочников и др., 2003] проверена гипотеза о роли и влиянии различных фискальных инструментов на снижение степени неравенства. Гипотеза не может быть отвергнута для субъектов РФ (концепция β -конвергенции применительно к регионам РФ не отвергается, в то же время концепция σ -конвергенции не получила подтверждения [Дробышевский и др., 2005]), однако, при этом роль региональной экономической политики крайне мала. В работе [Белов, 2008] на основании анализа статистических данных за период 2000–2005 гг. сделан вывод, что не всякое увеличение федеральных ассигнований стимулирует рост региональной экономики. Более позитивное влияние на скорость развития оказывают не централизованные, а региональные бюджетные инвестиции.

Таким образом, **просто увеличение объема финансовой помощи, предоставляемой более бедным регионам, не позволяет увеличить темп роста их экономик и «выровнять» бедные и богатые регионы.** Отсутствие влияния на рост инвестиций в основной капитал, профинансированных за счет бюджетных средств, подтверждает выводы [Днепровская и др., 2002] о низкой эффективности бюджетных инвестиций. В то же время инвестиции в промышленные проекты усиливают неоднородность экономического пространства. В работе [Пчелинцев, 2001] утверждалось, что для перелома тенденций надо перевести российскую

экономику в режим инвестиционного роста, но через экономику регионов, специализацию которых определяет обрабатывающая промышленность.

Помимо экономических показателей для обсуждения проблем развития и неравенства регионов, по которым ведется научная дискуссия, важнейшее значение имеют «эквивалентные условия жизни», ее уровень и качество. Данная проблематика актуальна для региональной науки не только в нашей стране, но обсуждается повсеместно в иных странах (см. Германии [Gatzweiler, 2010]). Привлекательность для проживания выражается в «голосовании ногами». Фактор привлекательности проявляется в изменении миграционных потоков, а также в увеличении или уменьшении смертности, болезней, в статистике эксцессов девиантного поведения. Поскольку урбанизация в России еще не завершена, то население по-прежнему стремится в крупные города. Города свыше 100 тыс. жителей сосредоточили половину населения страны, инвестиций, 62 % промышленной продукции и 76 % оборота розничной торговли, общественного питания и услуг [Нефедова, 2009]. Разрежение внегородского пространства продолжается. При этом разрыв между развитыми (привлекательными для жизни) и неразвитыми регионами увеличивается [Карачурина, 2004]. Единственный округ, который собирает мигрантов со всего российского пространства – Центральный, абсолютным лидером является г. Москва (рис. 1).

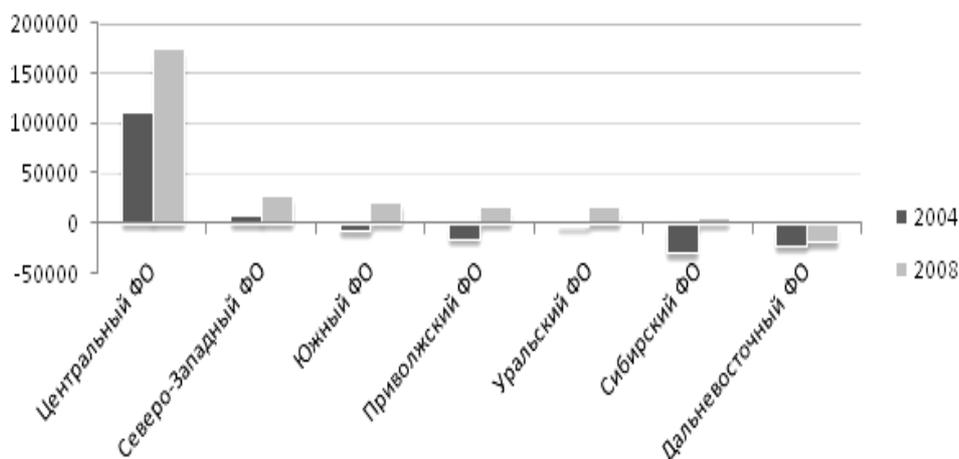

Рис. 1. Миграционный баланс в разрезе федеральных округов России

Кроме центра положительный миграционный прирост в обмене с другими округами имеет также Северо-Западный ФО. Южное направление выражено гораздо слабее. По данным Л. Карачуриной [Карачурина, 2004], из 79 субъектов РФ, имеющих границы с двумя и более со-

седями, 9 регионов отдают мигрантов соседям, а 11 принимают мигрантов в обмене со всеми соседями. По многим миграционным показателям выделяются две российские столицы и 6 российских регионов, что очень мало для России [Карачурина, 2004].

Для оценки смертности используем параметры «смертность младенческая на 1 тыс. человек, родившихся живыми» и «смертность населения трудоспособного возраста на 100 тыс. человек населения. Минимальные значения смертности младенческой показали субъекты: города Санкт-Петербург и Москва, Белгородская, Тамбовская и Ярославская области, Республика Мордовия и Ханты-Мансийский АО.

Максимальные значения смертности младенческой показали субъекты: Ненецкий и Чукотский автономные округа, республики Чеченская и Ингушетия, Амурская область, Еврейская автономная область. Минимальные значения смертности населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. человек населения соответствующего возраста) показали субъекты: г. Москва и кавказские регионы (республики: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания и Чеченская).

Максимальные значения смертности населения трудоспособного возраста показали субъекты: области Владимирская, Кемеровская, Ленинградская, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Сахалинская, Тверская и Тульская; республики Карелия и Тыва; Забайкальский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Лидером по экономическому и социальному развитию является мегаполис Москва, рядом с ним позиционируются Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Московская, Ленинградская, Свердловская, Самарская, Тюменская и Липецкая области, республики: Татарстан, Коми, Башкортостан. В то же время образовалась большая группа регионов-аутсайдеров.

Таким образом, представленные исследования показывают, что макроэкономические инструменты не являются определяющим фактором поляризации пространства. Скорее их эффект – есть следствие.

Рассмотрим **инфраструктурные** особенности территорий. Особенность аутсайдеров обусловлена еще и тем, что заселенность и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (соответственно, 1500 км/1000 кв. км, и 682 км/1000 кв. км), в то время как в России – 37 км, т. е. весьма низким значением. Кроме того, по регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик (рис. 2).

В современных условиях дорожная труднодоступность периферии частично компенсируется способами связи, в частности, с помощью сотовых телефонов, компьютеров и т. д. В среднем в России по данным на 2006 г. насчитывается 112 абонентов стационарной и мобильной телефонной связи, число пользователей Интернета 18 (на 100 чел.) [Страны и регионы, 2008]. В то же время в Финляндии, соответственно, 144 и 55,5, в США – 135 и 69,5, в Германии – 168 и 46,9. В России значительная часть территории оторвана от систем связи.

Сегодня при размещении производительных сил [Россейкина, 2003] действуют принципы: приближение производства к источникам сырья, освоение наиболее эффективных видов природных ресурсов, использование экономических выгод международного разделения труда и оздоровление экологии. Это подтверждает вывод Н. Межевича о том, что особенностью российского экономического пространства является внутриматериковое размещение экспортных производств. По его расчетам более 60 % экспортного потенциала размещается на расстоянии более 3 тыс. км от европейских и дальневосточных границ, около 15 % экспортного производства находится в приграничных районах [Межевич, 2005]. По мнению Т. Лебедевой [Лебедева, 2007], расстояние экономического пространства, т. е. транспортные и транзакционные издержки, влияет на его функционирование и является критерием разграничения центра от периферии (помимо характеристик экономического роста, интенсивности экономических связей, мобильности факторов производства). Дифференциация пространства и соответствующая региону эффективность обмена зависят во многом от функционирования **транзакционного сектора экономики** [Кузьминов и др., 2006]. Поскольку важнейший фактор дифференциации – положение и расстояние в экономическом пространстве, то чрезвычайно велика роль коммуникационных и транспортных сетей и велики транзитные функции и транзакционные издержки. В этой связи важнейшее значение для развития периферий имеет **сетевая концепция**. Она отталкивается не только и не столько от плотности и расстояния (влияющих на близость взаимодействия контрагентов), сколько учитывает и разобщенность (фактор непрозрачности и неэффективности границ [Доклад..., 2009]) и **институциональный** фактор. Акценты смещаются с традиционных факторов размещения (транспортные, материальные, трудовые издержки) сначала на инфраструктурные объекты, а затем и на нематериальные факторы

размещения [Челноков и др., 2002]. Поэтому помимо *цены, выпуска и издержек* в центр внимания попали такие категории (зависимые

от времени) как *транзакция, институциональная среда (порядок) и институциональное соглашение*.

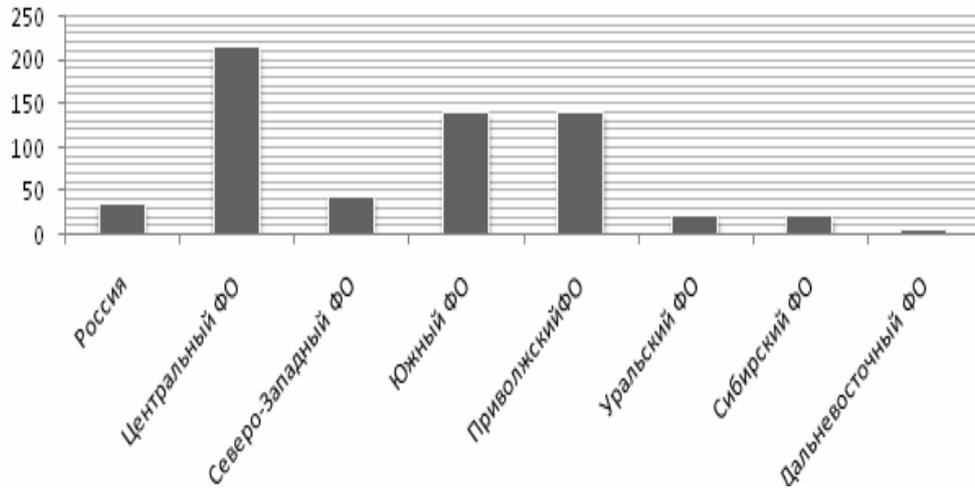

Рис. 2. Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (2008 г.), км дорог на 1000 кв. км

Рассмотрим влияние **институционально-го фактора** и роль **транзакционной экономики**. Для этого представим экономическое пространство как систему взаимодействующих экономических агентов. Тогда можно воспользоваться совокупностью теорий и концепций, объясняющих контрактную систему: институциональную и неинституциональную теории, теории общего равновесия и экономическую теорию благосостояния (Парето), неоклассическую теорию и др. К контрактным экономическим теориям О. Уильямсон [Уильямсон., 1994] отнес следующие: теория собственности, теория управления поведением исполнителя, теория транзакционной экономики.

Развивая гипотезу «*эффекта концентрации*», полагаем, что в основе развития региона и реализации экономических процессов на территории лежат самоорганизационные свойства экономического пространства – переносчика транзакций. Саморазвитие территории обеспечивается согласованностью действий участников территориального развития, «соединительными усилиями всех субъектов, присутствующих на данном экономическом пространстве» [Бочко, 2010]. Данный процесс, как и его отдельные элементы, требует формирования определенной **институциональной среды** (правил игры), определяющей **новый** экономический порядок и форматы **институциональных контрактов** (действенных соглашений), предусматривающих установление **частного порядка** в дополнение к судебному (правово-

му) порядку. Действующее законодательство, регулирующее деятельность экономических субъектов, содержит значительное число диспозитивных норм, позволяющих разработать и внедрить такие действенные соглашения или контракты. О. Уильямсон [Уильямсон., 1994, 2002] полагает, что в экономике существуют не просто фирмы и рынки, а связывающая фирмы плотная сеть взаимоотношений и взаимозависимостей – контрактная сеть. Если имущественные права четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (соответствующая структуре производства) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности согласно теореме Коуза (цит. по работе [Козырев, 1997]). Следовательно, при минимуме транзакционных издержек ценность или проводимость среды в отношении инвестиций, установления долгосрочных контрактов и т. д. будет наибольшей. Таким образом, сделаем вывод: если сделки осуществляются в режиме **он-лайн** или **реального времени**, то транзакционные издержки минимизируются.

Одним из показателей, характеризующих институциональные условия, является «*время, необходимое для создания бизнеса*» (число календарных дней, требующихся для выполнения юридических процедур по созданию фирмы), превышение которого определяет в том или ином регионе транзакционные издержки. В табл. 2 для сравнения представлено значение данного показателя по

разным странам, по которому выдвинем предположение о величине транзакционных издержек, связанных с регламентами, регулирующими действия агентов в этих странах.

Высокая зависимость между показателем «время, необходимое для создания бизнеса» и валовым национальным доходом (ВНД) (рис. 3) подтверждает предположение.

Таблица 2. Влияние институциональных факторов на эффективность экономики (Данные Всемирного банка, 2006 г. [Трейтиш, 2003])

Страны	Время, необходимое для создания бизнеса, дней	ВНД на душу населения, тыс. долл.	ВНД на душу населения по паритету покупательной способности, тыс. долл.
Сингапур	5	28,73	43,3
США	6	44,71	44,07
Франция	7	36,56	32,24
Норвегия	10	68,44	50,07
Финляндия	14	41,36	33,17
Германия	18	36,81	32,68
Казахстан	21	3,87	8,7
Украина	27	1,94	6,11
Россия	29	5,77	12,74
Беларусь	48	3,47	9,7
Таджикистан	49	0,39	1,56

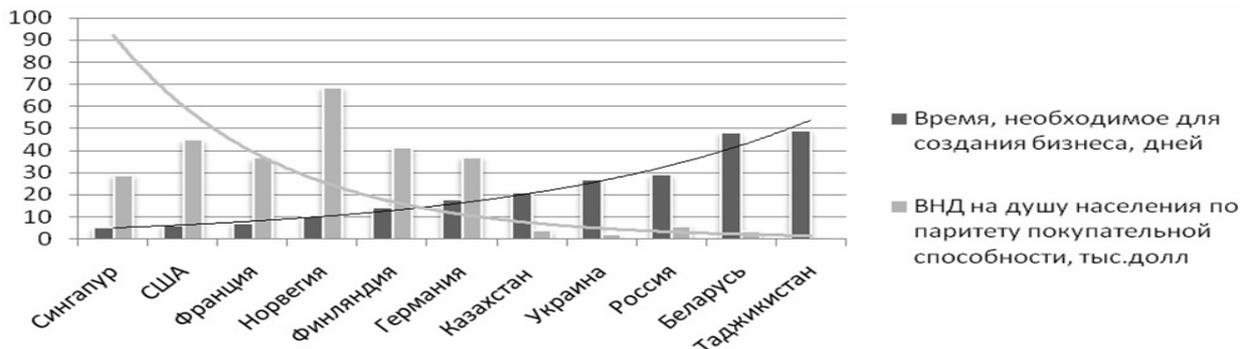

Рис. 3. Влияние институциональных факторов на эффективность экономики стран

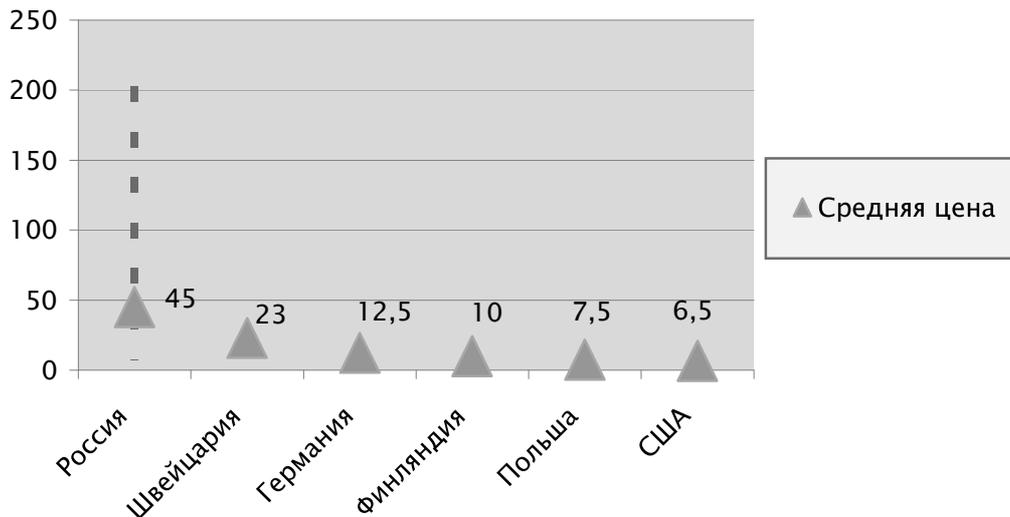

Рис. 4. Влияние институциональных факторов на эффективность экономики стран

Эффективность экономики во многом предопределяется способностью встраиваться в глобальные системы производственных отношений и обмена. Косвенным отражением данной картины является разница

мировых и внутренних цен, а также структура цены (рис. 4). Общие расходы в цене кубометра леса объясняются повышенными транзакционными издержками. Общество вынуждено тратить ресурсы на установле-

ние оптимального режима транзакций, посредством установления институциональных условий¹.

Таким образом, гипотеза «*эффекта концентрации*» формулируется следующим образом: **при увеличении сложности транзакций при большой плотности экономического пространства** (являющегося системой контрактов) **появляется объективная необходимость возникновения новых фирм и проектов.**

В соответствии с новой экономикой не только агломерационный эффект влияет на успешность развития, т. е. не только естественная концентрация, но и искусственная концентрация за счет сокращения экономического пространства с большей открытостью экономики. Отсюда вывод: чтобы стать открытой системой в условиях глобализации, требуется повысить компетентность, т. е. прежде надо научиться работать в мировых стандартах (глобализация – это унификация стандартов). Это прежде всего касается сферы услуг и информации, доля которых в структуре цены превышает долю материальных затрат.

Литература

Белов А. В. Финансовая децентрализация и экономический рост в регионах Российской Федерации // Регион: экономика и социология. 2008. № 1. С. 45–57.

Бочко В. Р. Территориальная конъюгация и формирование интеллектуально-инновационного пространства // Экономика региона. 2010. № 2. С. 7–16.

Будевиль Ж. Экономические зоны // Собрание «Что я знаю?». Париж: изд-во P.U.F., 1961. № 950.

Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

Днепровская С. и др. Инвестиции: региональный проект. М.: СЕПРА, 2002.

Доклад о мировом развитии - 2009. Новый взгляд на экономическую географию / пер. с англ. М.: Весь Мир; Всемирный банк, 2009.

Дробышевский С. и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005.

Кадочников П. и др. Анализ перераспределения средств между бюджетами субъектов Российской Федерации в рамках системы межбюджетных отношений. Оценка свойств стабилизационных инструментов российских федеральных властей. М.: СЕПРА, 2003.

¹ Транзакционные блага – это институты и технологии, доступ к которым хозяйствующий субъект может приобрести бесплатно или за определенную цену с целью снижения транзакционных издержек. К транзакционному сектору, создающему транзакционные блага, относятся транзакционные отрасли (торговля, сервис, финансы, недвижимость), внутри- и междуфирменные издержки, государственный и муниципальный секторы.

Карачурина Л. Б. Внутривоскресийские миграции: региональный анализ [Электронный ресурс] // Демоскоп weekly. 2004. № 177–178 // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека ИИХП РАН. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit06.php>

Козырев А. Н. Оценка интеллектуальной собственности. М.: Экспертное бюро, 1997.

Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. 442 с.

Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45, № 2. С. 31–36.

Лебедева Т. Н. Определение критериев оценки взаимодействия центра и периферии в экономическом пространстве // Труды научных сессий МИФИ. Т. 13. Экономика и управление. 2007. С. 40–42.

Либман А. Н. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–73.

Литвинов А., Иваницкая Н. Полотно в Европу // Русский Newsweek. 2010. № 38 (305). С. 20–21.

Межевич Н. М. Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции Минрегионразвития // Российское экспертное обозрение «Новый поворот в региональной политике?». 2005. №1 (13). С. 41–43.

Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2006. 848 с.

Нефедова Т. Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. 2009. № 1 (44). С. 62–76.

О’Салливан А. Экономика города [Текст] / пер. с англ. А. О’Салливан. М.: Инфра-М, 2002.

Пчелинцев О. С. Российский экономический рост 1999–2000 гг. в региональном и глобальном контекстах // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 25–43.

Россейкина Е. Л. Региональная экономика и управление: учебное пособие. Часть 2. Воронеж: ВГУ, 2003.

Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М.: Поматур; Независимый институт социальной политики, 2005.

Сигов И. И. Региональная экономика (понятийный аппарат). СПб., 2002.

Страны и регионы. 2008. Статистический справочник Всемирного банка / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009

Татаркин А. И., Юрпалов С., Ятнов В. Поляризованный Урал – сочетание программно-целевых и рыночных механизмов управления // Федерализм. 2001. № 2. С. 89–104.

Трейвиш А. И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупного городского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. М.: Институт географии РАН, 2003.

Уильямсон О. И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации // Уроки организации бизнеса. СПб.: Лениздат, 1994. С. 51–63.

Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма / пер. с англ. СПб.: Лениздат; СЕУ Пресс, 1996.

Челноков И. В., Герасимов Б. И., Быковский В. В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона. Тамбов: Изд-во Тамб. гос.техн. ун-та, 2002. 112 с.

Экономическая политика: рост и регионы // Стратегия и конкурентоспособность. 2007. № 6(18). С. 54.

Cohen S. B. Geography and Politics in a Divided World. London: Methuen, 1964.

Esteban J. M., Ray D. On the measurement of polarization / J. M. Esteban // Econometrica. 1994. Vol. 4. P. 819–851.

Franc A. G. Sociology of Underdevelopment and the Underdevelopment of Sociology // Catalist. 1967. N 3. P. 20–73.

Friedmann J., Alonso W. Regional Development as a Policy Issue // Regional Development and Planning. Cambridge (Mass.). 1964.

Friedmann J. Regional Development Policy. Boston, 1966. Gatzweiler H. -P. Regionale Disparitäten in

Deutschland – Grund genug für eine ausgleichsorientierte Raumentwicklungspolitik ? // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика пространственного развития: опыт Северо-Запада России и федеральных земель Германии (Региональная дифференциация и пространственное развитие). 14 мая 2010 года. СПб., 2010.

Krugman P. R. Geography and Trade. Cambridge; Massachusetts: MI of Technology Press, 1991.

Krugman P. R. Complex landscapes in economic geography // American Economic Association, Papers and Proceedings. 1994. N 84.

Krugman P. R. Development, Geography and Economy Theory. Cambridge; Massachusetts: The MIT Press, 1995.

Myrdal G. Economic Theory and Under-developed Regions. London, 1957.

Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. Vol. 64.

Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16-th Century. N.Y.: Academic Press, 1974.

Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Толстогузов Олег Викторович

зам. директора ИЭ КарНЦ РАН, к. э. н.
Институт экономики Карельского научного центра РАН
пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185030
эл. почта: insteco@karelia.ru
тел.: (8142) 570727

Tolstoguzov, Oleg

Institute of Economic Studies, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
50 A. Nevsky St., 185030 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: insteco@karelia.ru
tel.: (8142) 570727